

Садченко Валентина Тарасовна

заведующая кафедрой

Колесник Валентина Васильевна

студентка

Педагогический институт

ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»

г. Хабаровск, Хабаровский край

ГЛАГОЛЬНАЯ ЛЕКСИКА МИКРОПОЛЯ «СТРАХ» В РОМАНЕ

Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

Аннотация: в статье анализируются глаголы, репрезентирующие эмоцию «страх». Исследование проводится с точки зрения антропоцентрического подхода, который помогает избежать разрыва литературоведческого и лингвистического взглядов на художественный текст. Утверждается, что данная группа лексики в романе Ф.М. Достоевского позволяет глубже раскрыть образы героев романа и может быть охарактеризована как микрополе, состоящее из ядерной, маргинальной и периферийной зон.

Ключевые слова: русский глагол, эмотивная лексика, семантическое поле, структура микрополя.

Эмотивная лексика не раз была предметом анализа лингвистов (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Л.Г. Бабенко, Л.М. Васильев, Н.П. Мельниченко, С.В. Мишибаева, В.И. Шаховский и др.), в настоящее время исследование языковых единиц в эмотивном аспекте представляет собой перспективное направление в языкознании [4].

К языку Ф.М. Достоевского, в произведениях которого эмоции представляют собой особую психологическую реальность, также уже обращались В.В. Виноградов, Н.Д. Арутюнова, Н.А. Николина, Ю.Н. Караулов, Е.Л. Гинзбург и другие ученые. Отмечается, что в каждом произведении Достоевского литературные приемы, фразы или детали прямо или косвенно служат

раскрытию эмоционального состояния персонажей. Писатель раскрывает сложный мир навязчивых отношений, неясных предчувствий и ожиданий, показывает больную и одинокую человеческую душу, страдающую от тяжелых мыслей и сумбурных чувств, от страха перед роком и неизбежностью.

В романе «Идиот» эмоциональная напряженность выражается множеством слов «предельного значения». Среди всех языковых единиц, обозначающих состояние человека, Ф.М. Достоевский выбирает и использует те, которые характеризуют предельное, экстремальное проявление состояния. Большое значение в раскрытии эмоционального состояния героев принадлежит глаголам – этим центрам, на которых «держится» текст, при помощи которых автору удается установить общее авторско-читательское поле эмоционального напряжения. Писатель подчеркивает в своих ремарках, что персонажи романа не просто говорят, а *кричат, воят, восклицают* и т. д. В частности, на десяти страницах (со 192 по 202) [1] из 57 глаголов, которые автор употребляет для передачи чужой речи, стилистически нейтральных отмечено всего 26, что составляет меньше половины общего числа глаголов. Большая часть глаголов – это наиболее экспрессивные слова, демонстрирующие высшую степень эмоциональности героев: *завопил, прокричали, набросился* и др.

В тексте романа насчитывается как минимум 34 фрагмента, где автор показывает состояние страха героев. Наиболее частотно используется глагол «бояться», но, как правило, в тех случаях, где нет особого указания на экспрессивность проявления данной эмоции. Например: «Генерал выследил это заблаговременно; еще накануне были сказаны и иные словечки; он предчувствовал объяснение капитальное и боялся его»; «... Да, да... а я все-таки боюсь! Не понимаю чего, а боюсь. В воздухе как будто что-то носится, как будто летучая мышь, беда летает, и боюсь, боюсь!..»; «Как вы побледнели! – испугалась вдруг Аглая»; «Что такое: как вчера? Да разве... – испугался вдруг ужасно Ганя».

Определенную степень проявления эмоции страха выражают глаголы *робел, не смел, пужался, страшился, малодушествовал, всполохнулся* и др.: «Извинив-

шись, князь поспешил сесть, но как-то странно робел, точно гость его был фарфоровый, а он поминутно боялся его разбить. Прежде он никогда не робел с генералом, да и в ум не приходило робеть». Такие глаголы нельзя назвать частотными в романе, однако именно они используются автором для прямого изображения состояния страха, а многочисленный синонимический ряд позволяет показать все оттенки испытываемого героем чувства.

Для описания страха как душевного терзания автор использует глаголы *сомневался, томилась, предчувствовал, тревожиться, похолодел, остолбенел, затрепетал* и др.: «Дверь отворил сам Парфен Семеныч; увидев князя, он до того побледнел и остолбенел на месте, что некоторое время похож был на каменного истукана, смотря своим неподвижным и испуганным взглядом и скривив рот в какую-то в высшей степени недоумевающую улыбку».

В большинстве эпизодов, описывающих страх героев, экспрессия может выражаться и глаголами речи в авторских ремарках: *зашептал, забормотал, закричал, вскричал, завопил* и др. Лексическое значение таких глаголов не позволяет их отнести к словам, указывающим на страх, но семантическую принадлежность к этому эмоциональному состоянию доказывает контекст: «В четвертом этаже остановились пред низенькою дверью. Генерал видимо робел и совал вперед князя.

– А я останусь здесь, – бормотал он, – я хочу сделать сюрприз...».

Ф.М. Достоевский, будучи мастером изображения чувств и эмоций героев, показывает не только внутреннее проявление страха, но и внешнее, чем добивается удивительной реалистичности описания. К таким глаголам относятся слова типа *побледнел, побелел, покраснел, осунулся, зажмурилась, оглядывался, заморгал* и др.: «Представлялся и еще один неразрешенный вопрос, и до того капитальный, что князь даже думать о нем боялся, даже допустить его не мог и не смел, формулировать как не знал, краснел и трепетал при одной мысли о нем».

При анализе глаголов, выражающих страх, вычленяется группа слов, лексическое значение которых выражает эмоциональное состояние страха только в пе-

реносном значении. Это такие слова, как *похолодел, содрогался, трепетала, дрожал, срезался, замирал* и др. Поскольку эти слова полисемичны, то вне контекста могут иметь различные значения. Проанализируем одно из них: слово *дрожать* согласно «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова имеет следующие значения: 1) сотрясаться от частых и коротких колебательных движений (*дрожать от страха, от холода*); 2) быть прерывистым, изменяющимся (*голос дрожит, свет дрожит*); 3) перен. бояться, трепетать (*дрожать перед самодуром*); 4) перен. оберегать, заботиться, опасаясь за кого-нибудь или что-нибудь (*дрожать над ребенком*) [3]. Как видно из словарной статьи, глагол *дрожать* выражает состояние страха только в переносном значении. Однако, при произнесении этого слова и без специального контекста, человек ассоциативно связывает его с состоянием страха согласно закреплённой в сознании и языковом опыте эмоциональной оценке. При внимательном изучении словарной статьи можно увидеть, что каждое значение этого глагола включает в себе сему «страх»: человек дрожит от страха, голос дрожит от эмоционального напряжения, в том числе и от страха, дрожать над ребенком, значит, бояться за него. Обращает на себя внимание и третье значение данного глагола в статье: *дрожать* в переносном значении означает *бояться, трепетать*. Глагол *трепетать*, который в тексте романа также выражает состояние страха, автор словаря приводит в качестве синонима к слову *бояться*, хотя это слово также является многозначным и в прямом значении (в том же толковом словаре) обозначает «колебаться, дрожать». Это еще раз доказывает, что самые распространенные, закреплённые эмоциональным опытом значения многозначных слов могут пониматься и без контекста. По мнению некоторых ученых, такие глаголы первоначально употреблялись с добавочным значением образности протекания чувства, но в дальнейшем это добавочное значение перестало ощущаться [2].

Следует отметить, что в тексте романа эмоциональное состояние страха часто не выражается глагольной лексикой прямо. Есть эпизоды, пронизанные страхом, и в таких случаях глагол находится в тесном взаимодействии с другими ча-

стями речи – прилагательными, существительными, наречиями. Особенно частотны в тексте романа глаголы, употребляемые со словами *в ужасе (с ужасом)*, *в испуге (с испугом)*. Такие глаголы часто не несут в себе эмоциональной нагрузки и принадлежат данному семантическому полю только в составе словосочетания: *с испугом прошептала, отшатнулась в ужасе, в испуге сел* и др., например: «Страшный испуг напал на меня наконец и не оставлял и в следующие затем дни. Иногда, думая об этом постоянном испуге моем, я быстро леденел от нового ужаса: по этому испугу я ведь мог заключить, что «последнее убеждение» мое слишком серьезно засело во мне и непременно придет к своему разрешению».

Анализируя семантическое поле глаголов страха непосредственно в произведении, можно прийти к выводу, что практически все герои романа «Идиот» постоянно испытывают страх в разных его проявлениях. Страхи князя Мышкина можно назвать благородными, ведь он боится не за себя, а за окружающих его людей. Это объясняется тем, что автор наделил своего «положительно прекрасного» героя отсутствием корыстных интересов и враждебности. В каждом человеке князь предполагает присутствие достоинства и доброй воли, в каждого верит, хоть и не заблуждается относительно недостатков, душевной скудости и непорядочности. Мышкин спокойно и объективно оценивает людей, он им безгранично сочувствует, желает вернуть их к истинным ценностям и согласию с собой. Поэтому он так боится промахов и проступков окружающих его людей: чужие беды переживаются им как свои собственные. Так, например, чувствуя возможность низкого поступка Гани (женитьба по расчету), Мышкин отправляется к Настасье Филипповне: «Князь очень беспокоился всходя и старался всеми силами ободрить себя: «Самое большое, – думал он, – будет то, что не примут и что-нибудь нехорошее обо мне подумают, или, пожалуй, и примут, да станут смеяться в глаза... Э, ничего!» И действительно, это еще не очень пугало; но вопрос: «Что же он там сделает и зачем идет?» – на этот вопрос он решительно не находил успокоительного ответа». Показательно и рассуждение Мышкина о природе «двойных мыслей» в разговоре с Келлером. Князь чувствует, как иногда

его образ мыслей начинает походить на рассуждения окружающих его людей, и эти изменения его пугают: «Мне даже иногда случалось думать, – продолжал князь очень серьезно, истинно и глубоко заинтересованный, – что и все люди так, так что я начал было и одобрять себя, потому что с этими двойными мыслями ужасно трудно бороться; я испытал. Бог знает, как они приходят и зарождаются. Но вот вы же называете это прямо низостью! Теперь и я опять начну этих мыслей бояться». Страх Гаврилы Иволгина проявляется в высшей мере, превращает его жизнь в череду неудач и провалов. Ипполит терзается боязнью смерти, но еще более он боится быть забытым, стертым из памяти людей. Вся жизнь Настасьи Филипповны – страх, ведь она на самом деле боится людей, их оценок и мнений, боится выстроить свое счастье, так как считает, что не заслужила его, боится сделать несчастным князя Мышкина. В свою очередь, ее импульсивные поступки и сумбур мыслей пугают почти всех героев романа: к ней с опаской относятся Тоцкий, Епанчин, Аглая, откровенно боятся и сознаются в этом Ганя, Рогожин и Мышкин.

Атмосфера страха пронизывает весь роман, окрашивает трагичностью события, показывает негативные стороны героев. Мы видим, что страх в романе раскрывается не как эпизодическая эмоция, а как глубокие чувственные переживания. Для этого автор использует все многообразие глагольной лексики в прямом и переносном значении, а также в сочетании с другими словами, придавая глаголу особую окраску и экспрессивность.

Таким образом, отнесение глаголов к микрополю «страх» в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» определяет семантическое наполнение слова, которое опирается на лексическое значение как совокупность логической и эмоционально-оценочной контекстуальной информации. Микрополе страха в романе имеет многоуровневую структуру. Ядро микрополя составляют глаголы, отражающие основное значение (*бояться, пугаться*). В маргинальной (промежуточной между ядром поля и его периферией) зоне находятся глаголы, имеющие коннотативную окрашенность; в зоне ближней периферии представлены

глаголы 1) выражающие эмоциональность речи; 2) выражающие внешнее проявление эмоций; 3) употребляющиеся с существительными *страх, ужас, испуг*; к дальней периферии поля могут быть отнесены многозначные глаголы, выражающие состояние страха в переносном значении.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Идиот / Ф.М. Достоевский. – 2-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2003. – 686 с.
2. Кузнецова Н.Н. Выразительные возможности глагольных форм / Н.Н. Кузнецова // Известия Самарского научного центра РАН. – 2009. – №4–3. – С. 756–763.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: enc-dic.com/ozhegov/Drozhat-7781.html
4. Серебрянская Н.А. Эмотивная лингвистика – перспективное направление лингвистических исследований / Н.А. Серебрянская // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – №2. – С. 282–284.